

СВЕТСКОЕ И ДУХОВНОЕ

Важнейшей задачей современной богословской мысли Ислама является осмысление с точки зрения мусульманской традиции феномена светского государства. В данной связи, в мусульманском сообществе также существует множество стереотипов. Так, бытует мнение, что в политической доктрине Ислама полностью игнорируется деление духовного и светского, а теократия преподносится как единственно правильный политический императив Ислама.

Сторонники данной точки зрения обычно ссылаются на аят, который в их толковании звучит следующим образом: «Скажи: «О Боже, Держатель власти (малик аль-мульк)! Даруешь Ты власть, кому пожелаешь, и отнимаешь Ты власть, у кого пожелаешь...» (3:26) Данным кораническим словам созвучен другой аят, в котором говорится, что «Бог дарует власть (мульк), кому пожелает» (2:247). Аналогичные коранические утверждения касаются понятия хукм («судейство», «принятие решений», «правление»), которое принадлежит Богу (6:62; 28:70, 88; 40:12) и только Ему (6:57; 12:40, 67).

Но даже при такой, сугубо политизированной интерпретации слова мульк, этот и подобные ему аяты сами по себе не дают основания для сакрализации власти. Поэтому аргументы в пользу тезиса о теократическом характере исламского политического идеала обычно черпают из Сунны. С этой точки зрения, Пророк (с.а.в.) предстает как глава общины государства, объединивший в себе духовную (религиозную) и светскую (политическую) власти, которые, дескать, в первоначальном Исламе не только едины, но и неразличимы.

В действительности Священный Коран не только не запрещает разделения религии и политики, но и дает определенные основания для легализации такого разделения. Прецедентом тому может служить сосуществование духовной власти, представленной пророком Самуилом, и светской власти, олицетворенной царем Саулом (см.: 2:246–251), а также достаточно продолжительный исторический период существования различных исламских государств, когда ду-

ховная и светская сферы были отделены друг от друга, о чем пойдет речь ниже.

Не смотря на существующие трактовки некоторых богословов сам благословенный Пророк (с.а.в.) четко различал духовную и светскую сферы. При этом, он считал себя авторитетом лишь в первой. Согласно хадисам, Пророк (с.а.в) однажды указал жителям Медины, что незачем опылять пальмы, как они это обычно делали до его приезда. Последовав его мнению, мединцы обнаружили, что на следующий год урожай выдался крайне скудным. Прознав об этом, наш благословенный Пророк (с.а.в.) сказал: «Я лишь простой смертный (башар). Если я повелеваю что-нибудь касательно религии (дин), то прислушайтесь к моим словам; а если я повелеваю что-нибудь по собственному усмотрению, то я – лишь человек» или, согласно другой версии хадиса: «Если дело касается земной жизни (дунйа), то это вам решать, а если дело касается религии, то – мне». После чего произнес свои знаменитые слова:

أنتم أعلم بأمر دنياكم

«Вы лучше посвящены в делах земной жизни» (достоверный хадис, передают в своих сборниках Ибн Хузейма и Ибн Хиббан).

Из Сунны следует, что вопросы политики наш благословенный Пророк (с.а.в.) рассматривал также как светскую сторону жизни первой общины. В данных вопросах он весьма часто держал совет (шура) с мусульманами, следуя повелению Всевышнего: «Советуйся с ними о делах их». Сам факт обращения к обычным мусульманам за советом в данной области свидетельствует о светской природе политической жизни – ведь благословенный Пророк (с.а.в.) не стал бы решать духовные, религиозные вопросы с советом-шурой.

В сферу «светского» Пророк (с.а.в.) включал и судопроизводство. Только при таком соотношении можно понять его слова: «Ведь я – простой смертный (башар). Вы приходите ко мне со своими тяжбами. И бывает так, что кто-нибудь из вас более красноречив в доводах, и я решу в его пользу соответственно услышанному от него. Так знайте: кому я присужу то, что по праву принадлежит другому мусульманину, то это – от пламени Ада, и пусть он сам [думает], принять его или оставить».

Нередко в религиозной литературе можно встретить существенное преувеличение масштабов «политической» деятельности нашего благословенного Пророка Мухаммада (с.а.в).

На самом же деле, как явствует из Сунны, Пророк (с.а.в) практически не вмешивался в сложившуюся административно-политическую организацию как населения Медины, так и других племен и областей Аравии, принявших Ислам.

Таким образом, находя в сакральных источниках обоснование принципа светской власти, сегодня мусульманские богословы должны осмыслить в полной мере данный феномен.

СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Светскость – по историческим меркам понятие относительно новое и, несмотря на свою кажущуюся определенность, мало осмысленное. Как правило, о светскости зачастую предпочитают рассуждать в негативных категориях: светский значит нерелигиозный, внецерковный. Светское государство – государство, отделенное от религии. Другими словами, легче сказать, чем светскость не является, нежели дать этому понятию некое содержательное определение.

В первую очередь, светское государство необходимо отличать от атеистического. Атеизм часто выдает себя за религиозно аморфную, индифферентную по отношению к вере позицию и при этом претендует на статус единственно возможного мировоззрения в рамках научной картины мира. Однако с точки зрения науки более оправданной выглядит позиция агностицизма, которая выносит личный выбор ученого в вопросах веры в сферу частной жизни. Бог не может быть предметом науки хотя бы потому, что не существует единого определения данного понятия даже в рамках одной конфессии. Существование Бога, равно как и Его не существование, не возможно ни доказать, ни опровергнуть никакими рациональными аргументами. Бог раскрывает Себя только в личном опыте самого человека. Следовательно, вопрос веры или неверия – это личный выбор каждого человека. Поэтому атеизм, исповедующий веру в несуществование Бога, по своей сути является религи-

озной позицией, представляет собой некий перевертыш религии. Отсюда проистекает его активная, порой, агрессивная позиция по отношению к традиционным религиям, являющихся для него конкурирующими мировоззрениями.

Печальные результаты агрессивности атеизма наш народ в полной мере ощутил на себе в эпоху советского эксперимента по строительству советского человека.

Другая сложность в понимании светскости государства состоит в том, что данный исторический феномен родился на Западе в ходе борьбы за власть между монархиями и католической церковью, и лишь потом распространился на остальной мир. Для современного поликонфессионального общества понимание светского как «нехристианского» неоправданно. Гораздо продуктивнее понимать категорию светского как основанного на рациональности. Светское государство – это то государство, которое регулируется на основе рациональных норм. Государство является светским, если оно в своих решениях исходит не из постулатов веры, а действует по соображениям рациональности. Однако это вовсе не означает, что власть должна отстраниться от проблем верующих и религиозных конфессий. Просто ее взаимодействие с институтами религии будет происходить не потому, что она разделяет ее догматы, а только потому, что такое взаимодействие будет иметь общественно значимый результат, важный как для самого государства, так и для его граждан.

СВЕТСКОСТЬ И ИСЛАМ

Ислам – и в этом его понимании большинство мусульман едины – это больше, чем признание единого Бога и его посланника Мухаммада (с.а.в.): ведь вера призывает к поступкам. Ислам служит обоснованием определенного образа жизни, при котором религиозные ценности преобразуются в светские поступки; когда религиозная этика не может и не должна оставаться без активного общественного резонанса. Все это, так или иначе, неминуемо сказывается и на политике, которая всегда будет основываться на определенных ценностях и отражать определенные представления о мире.

То же самое относится к буддизму, иудаизму и христианству, а также к любой форме атеистического или агностического мировоззрения. Однако, основываясь на неправильной трактовке, сторонники политизации Ислама идут еще дальше. Они утверждают, что установленные Богом нормы праведной жизни осуществляются не на индивидуальном уровне, а только в рамках «исламского порядка», при котором божественные заповеди и запреты могут эффективно реализовываться усилиями государства. Ислам, по их убеждению, требует применения законов Шариата в государственной политике. При таком подходе теологическая проблема спасения души уходит на второй план, уступая место полной концентрации усилий на действиях светского порядка, на праве и общественном строе и, в конечном итоге, на аспекте власти.

В действительности же ни Коран, ни Сунна не содержат ясных указаний относительно формы политического строя, и поэтому можно сказать, что не существует какой-либо обязательной для всех мусульман исламской политической теории, следовательно, не может быть и речи о религиозной обязанности установления исламского политического порядка, как считают некоторые идеологи исламизма.

Ислам при наличии единой исходной нормативной базы (Корана, Сунны, иджмы и кыяса) находит выражение в разнообразных формах, а потому неизменно требует к себе плюралистического подхода, поэтому не следует ожидать в нем появления универсальных решений политического характера. Нормативные источники не позволяют сформулировать специфическую исламскую политическую доктрину.

А значит, оказывается несостоятельным аргумент, согласно которому в исламе религия и государство изначально неразрывно связаны друг с другом, так как ничем не доказано, что между ними должна существовать такая связь. Теократическое решение этого вопроса представляет собой лишь вариант политического антуража; идеальный прототип, никогда не встречавшийся в чистом виде ни в прошлом, ни в настоящем. Этот вывод справедлив как в отношении раннего халифата Омейядов и более поздней Османской империи, так и в отношении Исламской Республики Иран.

То, что мусульмане могут жить в светском государстве, не требует научных доказательств. Об этом говорит не только опыт мусульманских диаспор в Западной Европе, Америке и Австралии, но и опыт населенных преимущественно мусульманами стран.

Так, например, Индонезия, где проживают около 185 миллионов мусульман, т.е. больше, чем в какой-либо другой стране мира, не является специфически исламским государством.

В основе ее государственности лежат знаменитые пять принципов “Панча шила”, в число которых входит вера в бога, но не мусульманская вера как таковая и не мусульманское право. Индия, в которой проживает значительное мусульманское меньшинство, насчитывающее около 115 миллионов человек, является светским демократическим государством.

В этих странах, где Ислам укоренился много столетий назад, он по-прежнему обладает неиссякаемой жизненной силой.

Турецкая Республика, население которой на 98 % состоит из мусульман, уже более 75 лет официально следует принципам светского государства, что, однако, не привело к утрате религиозности гражданами этой страны. Кроме того, в светских государствах Европы, Северной и Южной Америки существует многомиллионная мусульманская диаспора. При этом ни сами ее представители, ни их единоверцы в исламском мире, ни окружающее их преимущественно немусульманское население не сомневаются в том, что они являются истинными приверженцами Ислама. При существующих в этих странах условиях они имеют возможность открыто исповедовать свою веру, и некоторые из них делают это даже с большим рвением, чем они или их родители делали это раньше в своих родных странах, в конституциях которых

Ислам закреплен в качестве государственной религии. Таким образом, тот факт, что мусульмане могут оставаться верными своей религии и вне специфически исламского государства, в настоящее время подтверждается уже самим практическим опытом.

Вопрос о том, может ли мусульманин, проживающий на территории, управляемой немусульманами и неподвластной Шариату, оставаться там длительное время или же, следуя требованиям религии, он должен совершить переселение (хиджра) в страну с

исламской формой правления, уже обсуждался в истории в связи с крестовыми походами и Реконкистой – возвращением исламской Андалузии под власть христиан. В ханафитской школе права господствовало мнение, что при таких обстоятельствах эмиграция не является обязательной, так как можно оставаться мусульманином в полном смысле этого слова и вне исламской страны. Шафииты придерживались такой же точки зрения, с оговоркой, что верующие при этом должны иметь возможность открыто исповедовать свою веру и беспрепятственно выполнять свои религиозные обязанности. Следовательно, по мнению части авторитетных мусульманских правоведов прошлого, ничто в принципе не препятствует приспособлению мусульман к условиям жизни в государстве, не имеющем специфически исламского устройства.

Кроме того, в исторической реальности мусульманских стран никогда не складывалось такого положения, при котором политические структуры и действующее право во всех деталях определялись бы исключительно нормами Ислама.

Отчасти под эгидой Ислама продолжали существовать различные по своему происхождению доисламские модели государственного устройства. Достаточно напомнить о восприятии мусульманами в ранний период развития Халифата существовавших до Ислама форм провинциального управления или о сохранении различных видов местного обычного права. Нередко правители либо ученые - правоведы в дополнение к нормам, являвшимся религиозными установлениями, формулировали свои правила, которые в меру разумения их авторов отвечали потребностям времени, общего блага, соображениям политической целесообразности или же их собственным интересам, то есть фактически имели светское происхождение. Кроме того, в истории мусульманского мира, как и в истории других стран, имела место частичная секуляризация в смысле возрастающего разрыва между вопросами религиозной жизни и вопросами государства. Одним из таких явлений было, в частности, разделение функций богослужения и ведения политических и административных дел. Точность, с которой в мусульманской правовой традиции конкретизировались функции и сфера компетенции государственных

ной власти по отношению к подданным, также позволяет выделить в них религиозные и светские элементы.

Мусульмане в наше время вполне могут беспрепятственно жить в согласии со своей верой также и в светском государстве, не предназначенном специально для защиты исламской религии в том смысле, в каком это считалось необходимым в прошлом. Современная ситуация сильно отличается от ситуации несколькими веками ранее, при этом Коран и сунна как в прошлом, так и в настоящем являются неиссякаемыми источниками вдохновения для свыше миллиарда мусульман планеты, а их положения актуальны вплоть до Судного Дня. Всевышний Аллах не сделал в своей религии затруднений и не может быть такого, чтобы положения религии были нереализуемыми на практике:

لَا يُكَلِّفُ اللَّهُ نَفْسًا إِلَّا وُسْعَهَا

«Аллах спрашивает с каждого только в меру его возможностей» (Священный Коран, 2:286).

А раз так, то Коран и Сунну следует понимать через призму современности, а не прошлого, и с точки зрения того, насколько их положения являются выполнимыми на практике. Поэтому в настоящее время даже в тех странах, где мусульмане составляют большинство населения, следует гарантировать полное равноправие всем гражданам государства, независимо от их вероисповедания или мировоззрения, и отказаться от насаждения исламской религии с помощью государственных средств принуждения. Применение военной силы против неверных во времена пророка Мухаммада и тот факт, что в исламском праве предусмотрена смертная казнь за вероотступничество, объясняется тем, что на ранней стадии развития Ислама существовала необходимость отстоять само существование тогда еще совсем молодой и малочисленной общины единоверцев, с тем, чтобы она сначала получила возможность с достаточной убедительностью свидетельствовать о божественном Откровении перед внешним миром. В современных же условиях, когда существованию исламской уммы уже ничего не угрожает, безусловный приоритет принадлежит центральному принципу Корана:

«Нет принуждения в религии» (2:256), т.е. мусульмане должны добиваться принятия людьми истины, явленной в Откровении, исключительно путем убеждения. Лишь это отвечает истинному замыслу Аллаха в отношении религии и людей: Он хочет вероисполнения, вытекающего из свободно принятого решения, а не основанного на принуждении и тем самым по сути неискреннего, чисто внешнего приспособления к его требованиям. Вера, не опирающаяся на добровольность, не является верой. Поэтому, сам Аллах отказывается навязывать человеку веру в себя и свою волю. Напротив, Он готов к тому, что люди отринут Его и отмахнутся от Его заповедей. При таком подходе представляется само собой разумеющимся, что ни одно государство также не имеет права добиваться соблюдения норм истинной религии путем принуждения.

Секуляризм государства и свобода вероисповедания неотделимы друг от друга. Отсюда можно сделать следующий вывод: религия в светском государстве не оказывается в проигрыше. Наоборот, мусульмане, живущие в светском обществе, являются искренними верующими, так как никто не принуждает их к следованию канонам Ислама и им нет нужды притворяться богобоязненными, боясь наказания со стороны государства, как это бывает в теократических исламских государствах.

И в светском государстве религия может действовать путем убеждения. В настоящее время ничто не препятствует реализации основополагающих установок, содержащихся в Откровении, в рамках светской конституции. Отдельные положения ниспосланного Аллахом в Коране права не являются выражением божественных намерений как таковых: в них обозначен путь или способ, которым Аллах был намерен воплотить их в жизнь во времена пророка Мухаммада (с.а.в.).

В существенно изменившихся условиях современности долг мусульман заключается в том, чтобы продолжить этот путь или этот способ по собственному разумению с помощью процедур существующего законодательства и в согласии с потребностями сегодняшнего дня.

Более того, религия только выигрывает, отказавшись от привилегированного положения в государстве. Она может усваиваться в большей степени на личностном уровне и тем самым стать более утентичной, ведь когда исчезает официальное давление, религия воспринимается и практикуется людьми добровольно и на основе собственного решения, и тем убедительнее они могут выступать от имени Ислама. Напротив, дискредитирующее религию стремление слабохарактерных личностей приспособиться к ней из чистого лицемерия, ослабнет. Кроме того, разделение религии и государства уменьшает опасность того, что фанатичные группировки, находящиеся в меньшинстве, смогут навязать свое специфическое понимание Ислама большинству верующих вопреки их убеждению, используя для этого в качестве инструмента давления государственные структуры.

Тексты Корана и Сунны всегда действуют только через их толкование конкретными людьми. Следовательно, и в так называемом исламском государстве невозможно обеспечить прямое осуществление воли Аллаха без ее интерпретации одними людьми в ущерб интересам других. Люди же не могут быть непогрешимыми, и иногда способны впасть в крайность. И если такое случится, то в исламском государстве, через официальное требование соблюдения религиозной лояльности, было бы легче, чем в государстве светского типа, мобилизовать некритически мыслящую часть населения на поддержку радикального меньшинства и затем навязать неправильное радикальное толкование большинству. В то же время, отсутствие непосредственной поддержки определенной формы Ислама в светском государстве и возможность открытых дискуссий, не подавляющихся сторонниками догматического понимания религии, открывают простор для развития веры. Одновременно светское государство освобождает религию от регламентации со стороны государственных инстанций, уменьшая опасность ее использования какими-либо силами для достижения своих политических интересов. Это создает благоприятную почву для развития религии и ее способности гибко реагировать на меняющиеся условия, чем климат репрессивной унитарности, пусть даже и обоснованный благими намерениями.

Таким образом, светское государство открывает более широкие перспективы и для последователей Ислама, позволяя им отвечать на самые актуальные требования своей религии так, как они читают нужным.

ДУХОВНАЯ ВЛАСТЬ

Признавая светское государство, мусульманское богословие в большей степени должно рассматривать проблемы именно духовной власти, имеющей самое непосредственное отношение к внутренней жизни мусульманской уммы. При этом имеющиеся в данном контексте исторически обусловленные концепции власти должны быть сформулированы с точки зрения Корана и Сунны сообразно современным реалиям российских мусульман.

В частности, более глубокого осмысления требует тезис средневековых мусульманских богословов, согласно которому главою мусульман должен избираться представитель рода Курайш. Буквалистское понимание данного принципа обречет мусульман России на невозможность обрести духовного лидера. Формально данная максима опирается на некоторые соответствующие хадисы, при этом игнорируются другие изречения нашего благословенного Пророка (с.а.в.) в данной связи. Однако фактически акцент на необходимости избрания главою мусульман представителя рода Курайш был сделан первыми поколениями мусульман в конкретных исторических условиях как следствие существовавшей политической обстановки на то время.

Со смертью Пророка (с.а.в.) в исламской умме были сформулированы несколько подходов к решению вопроса власти.

Наиболее заметные из них были представлены со временем движениями хариджитов и шиитов. Шиизм настаивал на монархизме, т.е. передачи власти по наследству, ее сохранении в «семье Пророка». Хариджиты, напротив, провозгласили, что главою мусульманской общины может стать каждый, «даже раб-негр». Суннитское же большинство заняло среднюю между этими двумя крайними позициями: халиф должен избираться, но не среди всех, не среди черни, а среди племени Пророка (с.а.в.), который включает в себя большой

круг людей, нежели «семья Пророка». Идея срединности, которой мусульмане должны руководствоваться при решении вопроса власти, осознавалась изначально. Так после смерти Пророка (с.а.в.), когда встал вопрос о его преемнике, хазрати Абу-Бакр, отвергая обоснованность ансаров (мединских мусульман) на пост главы уммы, заметил: «Арабы признают власть только курайшита, ибо курайшиты – это *самая середина* арабов по происхождению и по месту проживания в стране».

При этом идея срединности касается не только вопроса о легитимации мусульманского лидера, но также его полномочий и статуса. Во всех этих аспектах, суннитская позиция является срединной между шиитской и хариджитской точками зрения. Таким образом, лидер российских мусульман должен быть определен на основании этого принципа, ибо идея срединности есть подлинное выражение суннитского понимания Ислама.

Исторически лидером российских мусульман является руководитель института Духовного управления мусульман.

В данном плане этот институт, который (под разными названиями) на протяжении нескольких веков выступал организационным каркасом духовной жизни мусульман России, следует расценивать как воплощение духовной власти российского Ислама. Можно сказать, что с течением времени институт Духовного управления стал внутренним, сакральным халифатом российских мусульман. А его глава – духовным халифом или амиром аль-муминин российской уммы. Осознание богословской природы института Духовного управления мусульман позволяет по иному взглянуть на многие современные проблемы российских мусульман. Существующая ныне раздробленность данного института, выраженная в наличии нескольких независимых друг от друга духовных управлений следует считать недопустимой. Исламские лидеры страны при поддержке простых верующих должны приложить максимум усилий к восстановлению организационного и канонического единства российских мусульман.

ИСЛАМ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Последние 200 лет сначала в западном, а затем и во всем остальном мире господствовала идея нации-государства.

Смысл этой концепции заключался в том, что мир должен состоять из множества государств с монокультурой, объединенной одним языком, религией и традициями. В соответствии ей практически каждый народ имеет право на создание своего отдельно-го независимого государства. Следствием концепции нации-государства стала идеология национализма, которая может иметь как созидательный характер (патриотизм), так и негативный разрушительный характер (шовинизм, расизм, фашизм). Все западные и большинство современных государств были созданы в соответствии с идеей нации-государства. Кризис этой системы, который продолжается последние два десятилетия, вызван миграционными процессами, в ходе которых в европейские страны стали пребывать граждане многих азиатских и африканских государств. Значительную часть этого потока составили мусульмане. Это процесс привел к тому, что в западном мире появилась политика мультикультурализма. С похожими процессами сейчас столкнулась и Россия.

Во многом мультикультурализм- это идеология, политика и социальный дискурс, признающий правомерность и ценность культурного плюрализма, уместность и значимость многообразия и разноликости культурных форм (например, этнических, религиозных и расовых). В контексте мультикультурализма непохожесть и отличительность перестают рассматриваться как «чуждое», становясь просто «другим».

Мультикультуралистская политика принципиальным образом отличается от исторически предшествовавших ей сегрегации, геттоизации и ассимиляции. В 1970-х гг. она утверждается как официальная идеология и политика в Канаде и Австралии, а с начала 1990-х гг. мультикультуралистская повестка дня складывается в США и получает распространение во многих странах Западной Европы в контексте поиска справедливых и недискриминационных ответов на вопросы, которые выдвигались в условиях усиливающейся глобализации. Идеология мультикультурализма

стала также следствием транснациональных процессов, которые формируют новую идеологию поверх национальных границ.

Несмотря на то, что в последние годы некоторые политики (как в нашей стране, так и за рубежом) заявляют, что политика мультикультурализма не оправдала себя, на самом деле, фактически только ее реализация сохраняет баланс сил в современном мире. Скорее необходимо говорить о том, что имеет место недостаточно полная ее реализация в некоторых странах.

Как уже было отмечено выше одной из ключевых характеристик мультикультурализма является культурный плюрализм, то есть признание культурного разнообразия как естественного состояния современных обществ. Фактически это одно из проявлений демократической модели сосуществования в рамках одного общества различных культурных групп. Именно концепция мультикультурализма стала одним из основных концептуальных оснований сосуществования религиозных сообществ в современных государствах в соседстве с другими культурными группами. Данная концепция, в тесной связи с принципом светского государства, оказывается той самой интегрирующей идеологией, позволяющей мусульманам наравне с другими гражданами участвовать в общественной, политической и экономической жизни своих государств.

Наиболее яркими примерами реализации в Российской Федерации политики мультикультурализма можно назвать идею преподавания в средней школе основ религии и присутствие священнослужителей разных религий в армии и тюрьмах. Но самое главное возвращение религии в общество происходит на низовом уровне, и главное свидетельство тому – резкое и многократное увеличение в стране религиозных общин. На фоне этого стремительного увеличения количества религиозных общин российское государство, естественно, активно взаимодействует с ними, содействует реализации их целей. Примеров тому – огромное множество.

Одновременно в России в целом и в Татарстане, в частности, государство пытается выработать такой путь взаимодействия с религиозными организациями, который бы обеспечивал стабильность общества и безопасность граждан. Именно с этим связано, что государство совершенно справедливо не оказывает поддержки

различным деструктивным религиозным направлениям, которые чаще всего проникают к нам из-за рубежа.

Таким образом, мусульмане должны прилагать все усилия, чтобы включиться в общественную жизнь стран, где бы они ни проживали. Мусульмане являются одной из групп, которые больше всех заинтересованы в том, чтобы ценности разумной демократии были реализованы в полной мере и исламское население продолжило на равных правах участвовать в общественной жизни современного государства.

Социальные ученые пишут о том, что современный мир радикализуется, что на фоне общих интеграционных процессов люди разбредаются по своим культурным «убежищам».

Особенно это касается молодежи. Следствием этого является то, что общества, в которых мы живем, становятся еще более культурно пестрыми и разнообразными. Такая ситуация становится хорошей почвой для столкновений сторонников разных идеологий и культурных разломов. Неприятие «другого» и иной точки зрения порой становится все более жесткой. Это касается, к сожалению, и мусульманского населения. Порой наши братья по вере тратят неоправданно много сил и времени на борьбу с откровенными провокациями и на публичное осуждение различных неоднозначных фактов нашей общественной жизни, а также разжигают борьбу (фитну) внутри своего сообщества. При этом реальной созидательной работы становится все меньше и меньше.

Хотим мы того или нет, но сейчас мы живем в обществе культурно разнообразном, в котором каждый человек имеет право на свою личную жизнь и свободу убеждений. Порой эти убеждения не только не совпадают мусульманской точкой зрения, но даже и противоречат ей. Однако, если эти убеждения не ведут к прямому вмешательству в жизни мусульман и реализацию их права на исповедания своей религии, то мусульмане должны признавать существование иной точки зрения как естественное положение вещей.

Современный мультикультурный мир представляет собой ситуацию конкурирующих идеологий, в которой можно победить не с помощью грубой силы агрессии или же, наоборот, полного изоляционизма, а с помощью адекватной гуманной идеологии. Главная

сила современного Запада заключается сейчас уже не в наличии ядерного оружия или другой военной техники. Главное оружие западных стран это их идеология. Грубое применение силы руководством некоторых европейских и американских стран на других континентах уже сейчас не вызывает поддержки среди населения их стран, даже наоборот. Запад побеждает сейчас на «восточном» фронте благодаря СМИ, развитию новых медиа, киноиндустрии и литературе. Уже давно никого не удивляет, что мусульмане порой в государствах Европы и Америки чувствуют себя гораздо комфортнее, в том числе и в возможностях практиковать свою религию, чем в своих родных мусульманских странах. Многие мусульмане стремятся оказаться в больших демократических странах именно потому, что их привлекает особое чувство свободы и ощущения способности изменить свою судьбу, которое они получают, оказавшись там.

Чтобы Исламу стать конкурентоспособной идеологией в нашем многокультурном мире, необходимо решение как глобальных вопросов развития образования и науки, так и вполне себе бытовых. Хотя бытовые вопросы зачастую имеют не менее глобальное значение. Поэтому через СМИ и другие каналы распространения информации лидерам уммы необходимо рассказывать о здоровом созидательном зерне Ислама не только далеким от нашей религии людям, но и самим мусульманам. Исламское просвещение должно быть направлено не только вовне, но и прежде всего вовнутрь. Суметь грамотно сочетать традиционные ценности и модернизационные процессы – вот главная и наиболее актуальная цель нашей уммы. Нам необходимо сохранить свою религию и образ жизни, но при этом развивать светскую науку и технологии.

Необходимо в исламской религии искать и культивировать те характеристики, которые станут локомотивом движения вперед для исламского мира. В свое время европейский протестантизм стал основой развития капитализма, японская этика после поражения во Второй мировой войне сделала Японию ведущей мировой державой. Если посмотреть историю всех наиболее успешных современных государств, то источник их прорыва, как правило, будет иметь глубокие идеологические, зачастую 041 Брелигиозные,

мировоззренческие корни. Таким образом, и в Исламе мы должны найти все основания, которые приведут нашу умму к процветанию.

Именно конкурентное предложение может превратить Ислам в современном многокультурном мире в востребованную и успешную идеологию.

Все возрастающее присутствие мусульман во всем мире, а также обмен культур между мусульманскими и немусульманскими народами показали ошибочность тезисов ряда ученых, ставивших знак равенства между глобализацией и вестернизацией. Ведь вместе с распространением западного образа жизни на Востоке, все больше людей интересуются Исламом на Западе. Проявления этого повсеместны и очевидны: открытие во многих уголках планеты мусульманских школ и учебных центров, появление и распространение стандартов питания, соответствующих исламскому шариату, помимо роста количества мечетей открываются модельные комнаты в общественных местах. Одновременно дети и внуки мусульман, иммигрировавших когда-то в Европу из Азии и Африки, сегодня идентифицируют себя со странами, куда прибыли их предки, говорят на местных языках, и всецело интегрируются в местное общество, занимая в нем определенные ниши. Уже можно говорить о европейских и американских мусульманах как неотъемлемой части обществ, в которые они интегрировались.

Так как сегодня присутствие мусульман в западном обществе стало реальностью, то необходимы новые модели взаимодействия. Мирное и взаимовыгодное сосуществование возможно лишь в рамках мультикультурализма и интеграции мусульман в общество, в котором они проживают. Либерально-демократическая и гражданско-правовая конструкция западного общества вполне позволяет этому сбыться. Что же касается адаптационных особенностей Ислама, то они уже практически были реализованы исторически. Ислам, возникший на территории Хиджаза, смог утвердиться первоначально на всей территории Аравийского полуострова, а затем в Юго-Восточной и Средней Азии, Южной Европе и Африке, и это несмотря на существенные различия между культурой арабов и народов, с которыми они взаимодействовали. Универсальные адаптационные способности Ислама позволяют мусульманам ин-

тегрироваться с практически любым обществом и культурой. В результате межкультурного взаимодействия с соседними народами обнаружилась многогранность Ислама, произошла его этническая и культурная диверсификация. Ислам не направлен на ассимиляцию народов и культур, с которыми он соприкасается. Наоборот, Ислам на правлен на взаимообогащение.

СОВРЕМЕННАЯ КАРТИНА МИРА

В современных условиях полярное разделение мира на *даруль-ислам*¹ и *дар-уль-харб*², существовавшее в прежние времена, не выгодно ни мусульманам, ни их согражданам, с которыми они пытаются совместно проживать.

Вместо этого современные богословы рассматривают весь мир как *даруль-хидма* или *дар-уш-шахада*. *Дар-уль-хидма* подразумевает намерение служить Исламу через примеры добродетели, где мусульманам надлежит быть законопослушными, а так же уважать права других, быть справедливыми и избегать полярного противостояния *дар-уль-ислам* и *дар-уль-харб*.

Западные страны пригодны для исповедания мусульманами своей веры, участия в общественной жизни, когда мусульмане могут взять на себя социальные и политические обязательства. Для сохранения мусульманской идентичности необходимо обращаться к фикху и традициям, а разделение мира на *дар-уль-ислам* и *дар-уль-харб* является устаревшей географической моделью. Западные общества обладают необходимым жизненным пространством, в котором мусульманам позволено исповедовать свою веру и проводить в жизнь исламский призыв. На мусульманах, в свою очередь, лежит обязанность приложить все усилия, чтобы находясь в этом пространстве избежать консерватизма и радикализма в отношении с другими религиями и культурами. Для этого необходимо развивать чувство уверенности в себе, основанное на глубоком осознании ответственности. Глобализация, развитие отношений между мусульманскими и немусульманскими странами, а также проживающие в западных обществах мусульмане – факторы, упраздняющие упрощенное восприятие мира в чер-

но-белом цвете. Интернационализация любых отношений вынуждает исламских лидеров и ученых рассматривать не только вопросы, касающиеся Ислама, но и те, которые направлены на сосуществование в системе плюрализма мнений и идеологий. В отличие от некоторых радикальных групп, придерживающихся концепции разделения на *дар-уль-ислам* и *дар-уль-харб* (например, так называемая «партия» Хизб-ут-Тахрир), понимающих это разделение буквально, нам необходимо придерживаться концепции мирного сосуществования, развития и взаимообогащения в многокультурном мире.

Концепция *дар-уш-шахада* позволяет мусульманам участвовать в общественной жизни на Западе. Шахада касается не только словесного засвидетельствования исламской веры, это также действие согласно своей вере, последовательность в убеждениях, словах и поступках. В Коране сказано «кто уверовал и творит благое», тем самым подчеркивается, что шахада имеет прямое отражение в действиях мусульман, в каком бы обществе они не жили. Соблюдение этого подразумевает вовлечение во все сферы общественной жизни, где только это требуется: для решения проблем безработицы, маргинализации, преступности и т.д. Это также означает участие во всех процессах, которые могли бы привести к положительным реформам законодательной, экономической и общественной систем и институтов, направленных на привнесение большей справедливости исходя из интересов всего общества, а не только узкой группы единомышленников.

Мусульмане, выросшие на Западе, при исповедании Ислама сталкиваются с вопросами, для решения которых необходимо разработать новые подходы и выйти из дилеммы: кем же быть, европейцем или мусульманином.

Для успешного развития в современном обществе мы должны отталкиваться от двух фактов, находящих свое подтверждение в повседневной жизни:

1. Мусульмане способны исповедовать свою религию и оставаться лояльными принципам светского общества.
2. Ислам и мусульманская нравственность совместимы с западным устройством общества.

Таким образом, выстраивается модель совместного проживания мусульман и немусульман в добрососедских отношениях, где все вопросы решаются путем общественных дебатов на основе взаимного уважения. Для эффективного противодействия негативным тенденциям в Умме мусульманам необходимо действовать в рамках закона, отстаивать свои права и вести последовательный диалог со своими соседями. Все это способствовало бы исправлению негативного имиджа Ислама, целенаправленно создаваемого представителями радикальных исламистских течений.

Нашей Умме необходимо осознавать общегражданский долг. Люди в независимости от веры, расы и национальности имеют много общего и должны забыть непонимания и конфликты прошлого. Необходимо сообща обсуждать и искать решения вопросов бедности, окружающей среды и основных прав человека. Гражданский долг подразумевает участие в общественной жизни и преодоление барьеров, отделяющих людей друг от друга.

Только путь диалога решает проблему соотношения священного и религиозного в современном мире, находя приемлемый вариант интеграции мусульманской веры и религиозной практики в светское общество.